

Федина Наталия Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин факультета ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» в г. Армавире, г. Армавир
fednat79@mail.ru

Неимущественные особые завещательные распоряжения в РФ

Аннотация. Статья посвящена вопросам неимущественных завещательных распоряжений. Автором сделан ряд выводов, обуславливающих завещательное возложение как обременение наследника обязанностью.

Ключевые слова: неимущественные особые завещательные распоряжения, завещательное возложение, легатарий, наследник, завещатель.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

Весьма распространенное мнение о том, что завещание может совершать только имущественные распоряжения представляется несколько странным хотя бы потому, что уже в Законах XII таблиц содержалось положение о том, что наследодатель может распорядиться на случай своей смерти не только имуществом, но и неимущественными правами, в частности «как кто распорядится на случай своей смерти относительно своего домашнего имущества или относительно опеки [над подвластными ему лицами], так пусть то и будет ненарушимым» (V. 3).

В этой связи, следует признать более корректным мнение тех авторов, которые считают, что завещание – это распоряжение не только имуществом, но и вообще любое допускаемое законом распоряжение на случай смерти [1], либо прямо указывают, что завещание – это акт распоряжения не только имуществом, но и другими материальными или нематериальными благами на случай смерти [2].

Как совместить, однако, подобное определение завещания со статьей 1112 ГК, согласно которой в состав наследства не входят личные неимущественные права и другие нематериальные блага? По-видимому, исходя именно из положений данной статьи, большинство авторов и приходят к категоричному утверждению о том, что личные неимущественные права и другие нематериальные блага не могут быть предметом завещания [3].

Хотя в литературе высказывались довольно обоснованные суждения о том, что «личные права неотделимы от личности в той мере, в какой они выражают индивидуальность личности..., а в тех пределах, в каких они этой индивидуальности не выражают, личные права вполне передаваемы» [4], но само понятие личных неимущественных прав и других нематериальных благ предполагает их неразрывную связь с личностью, а потому их неотчуждаемость и непередаваемость, в том числе и по наследству, на что прямо указывает статья 150 ГК.

Тем не менее, неотчуждаемость личных неимущественных прав не означает того, что эти права прекращаются одновременно со смертью их носителя. В этой связи в той же статье 150 ГК, которая содержит общее правило о невозможности отчуждения этих прав, предусматривается и общее правило о том, что личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут осуществляться и защищаться другими лицами, в том числе наследниками правообладателя. Если же в некоторых случаях, личные неимущественные права и другие нематериальные блага не прекращаются со смертью их обладателя и осу-

ществляются или охраняются его наследниками, то почему же наследодатель не может распорядиться об определенном порядке их осуществления?

Несмотря на цитированные утверждения некоторых авторов о том, что личные неимущественные права не могут быть предметом завещательных распоряжений, анализ действующего законодательства позволяет прийти к выводу, что оно признает за завещателем подобные возможности.

Так, например, статья 1255 ГК как и ранее признает за автором помимо исключительных прав, которые являются имущественными правами (статья 1226 ГК) еще и четыре неимущественных права – право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения. Корреспондирующие указанным правам нематериальные блага (то есть авторство, имя автора и неприкосновенность произведения) охраняются бессрочно. При этом нормы действующего права действительно не позволяют распорядиться автору относительно порядка охраны таких прав. В то же время, автор может назначить субъекта, осуществляющую такую охрану (статья 1267 ГК), а потому, хотя и косвенно, данные нематериальные блага становятся предметом завещательного распоряжения.

В то же время, следует признать, что нематериальные блага и личные неимущественные права автора могут не только охраняться, но и осуществляться его правопреемниками, хотя положения ГК на это прямо не указывают. Так, в соответствии со статьей 1266 ГК при использовании произведения после смерти автора лицо, обладающее исключительным правом на произведение, вправе разрешить внесение в произведение изменений, сокращений или дополнений при условии, что этим не искажается замысел автора и не нарушается целостность восприятия произведения, из чего следует, что лицо, обладающее исключительными правами на произведение, после смерти автора может не только охранять, но осуществлять его личное неимущественное право, в частности право на неприкосновенность произведения. При этом автор может запретить осуществление данного право, в связи с чем, оно становится уже предметом завещательного распоряжения.

Еще больше возможностей у автора по распоряжению на случай смерти таким его личным неимущественным правом, как право на обнародование произведения. В частности, в соответствии, с пунктом 3 статьи 1268 ГК произведение, не обнародованное при жизни автора, может быть обнародовано после его смерти лицом, обладающим исключительным правом на произведение. Таким образом, наследники автора, получившие по наследству его исключительные права, могут своими действиями и осуществлять его личное неимущественное право, то есть обнародовать необнародованное произведение. При этом автор может запретить совершение таких действий, прямо указав об этом в завещании, либо иным образом. В этом случае автор также включает в завещание прямое распоряжение о своем личном неимущественном праве, и оно соответственно становится предметом завещания. Причем подобный запрет будет действовать и после того, как произведение перейдет в общественное достояние (п. 3 статьи 1282 ГК), то есть по сути автор может распорядиться возможностями не только своих наследников, но и любых третьих лиц, которые при отсутствии подобного запрета могли бы обнародовать с этого момента его произведение [5].

Таким образом, несмотря на то, что личные неимущественные права и другие нематериальные блага не входят в состав наследства, он тем не менее могут быть предметом завещательных распоряжений наследодателя. При этом последний, по сути определенным образом распоряжается поведением своих наследников (а в рассмотренном примере и иных лиц).

Помимо этого завещатель может сделать и другие распоряжения, определенным образом воздействуя на волю и поведение своих наследников, но не уменьшая при этом размер наследственной массы (то есть не распоряжаясь своими имущественными правами), что и позволяет нам отнести подобные распоряжения к особым неимущественным завещательным распоряжениям. Речь идет, в частности, о завещательном возложении и условиях, как особой форме завещательных распоряжений, на рассмотрении которых следует остановиться подробнее.

Из пункта статьи 1139 ГК следует, что под завещательным возложением следует понимать возложенную завещателем на наследников обязанность по совершению какого-либо действия имущественного или неимущественного характера, направленного на осуществление общепольной цели.

При уяснении сущности данного вида завещательного распоряжения необходимо, прежде всего, определить основные признаки, отличающие его от смежных институтов, в частности от института завещательного отказа.

В литературе отмечается, что в отличие от завещательного отказа содержанием завещательного возложения могут быть действия как имущественного так и неимущественного характера [6]. С данным выводом трудно не согласиться, поскольку он непосредственно следует из текста статьи 1139 ГК, но к уяснению смысла завещательного возложения он несколько не приближает. Напротив, из этого признака можно сделать вывод, что завещательное возложение, содержанием которого действия имущественного характера, является некой разновидностью завещательного отказа.

По мнению многих авторов «основное отличие завещательного возложения от завещательного отказа заключается в том, что даже при имущественном характере первого завещанием не устанавливается конкретный выгодоприобретатель, а круг лиц, имеющих право требования исполнения возложения, значительно шире, нежели в случаях неисполнения завещательного отказа» [7]. В то же время, данный признак завещательного возложения не является общепризнанным. Так, высказывалось и мнение о том, что если «завещательный отказ всегда предполагает одновременно и указание в завещании определенного лица (отказополучателя), к имущественной выгоде которого направлено содержание завещательного отказа, то возложение не предполагает *обязательно* наличия такого определенного лица» (курсив наш), из чего следует, что и при завещательном возложении наличие выгодоприобретателя не исключается. Интересно отметить, что даже те авторы, которые соглашались с тем, что завещательное возложение характеризуется неизменным отсутствием конкретного выгодоприобретателя, в качестве примера завещательного возложения приводят и такую ситуацию, при которой наследник обязывается предоставить помещение, входящее в состав наследственного имущества, детскому учреждению на период строительства здания для этого учреждения [8]. Наконец, некоторые авторы прямо указывают, отсутствие конкретного выгодоприобретателя лишь не является необходимым условием завещательного возложения, и поэтому «ничто не мешает наследодателю указать в завещательном возложении конкретного выгодоприобретателя, например, определенную благотворительную организацию, библиотеку, или музей» [9].

В качестве одного из признаков завещательного возложения используется указание на то, что оно должно быть сделано неизменно в общепольных целях. Однако, по поводу определения общепольных целей современная наука испытывает такие же трудности, как и с определением круга лиц, в пользу которых может быть

совершено завещательное возложение, поскольку эти два признака тесным образом связаны.

Так, в литературе уже было справедливо замечено, что критерий общепользовательных целей уже используется законодателем для отграничения пожертвования от простого дарения. В этой связи большинство авторов, ставящих перед собой задачу определить понятие общепользовательных целей при завещательном возложении, берут за основу своих суждений высказывание А. Л. Маковского о том, что такими целями «могут быть как цели, полезные для общества в целом, так и цели, достижение которых представляет пользу для более узкого круга лиц – лиц определенной профессии, определенного возраста, жителей определенной местности, членов (участников) определенной организации и т. п. Пожертвование имущества гражданину без указания цели его использования, которую можно считать общепользовательной, превращает этот договор в «обычное дарение». Как следствие и общепользовательными действиями при завещательном возложении предлагается считать такие действия, которые совершаются «для удовлетворения материальных и духовных потребностей отдельных социальных групп, социальных слоев, общественных движений, научного, культурного, образовательного развития и достижения других целей, не связанных с предоставлением определенной выгоды конкретно назначенному лицу, независимо от масштаба создаваемого этими действиями общего блага» [10].

Иными словами, за основу определение общепользовательной цели априори берется количественный критерий, при котором общепользовательность воспринимается как благо многих, но не одного. Представляется, что подобный подход основан во многом на совершенно наивных представлениях об обществе. В действительности, как указывал еще Р. Иеринг, и с чем невозможно не согласиться, общество существует благодаря одновременному действию двух антитез «мир существует для меня» и «я существую для мира» [11]. Иными словами, между интересами личности и общества, нет какой-то непреодолимой пропасти: что выгодно личности, то в конечном счете выгодно и обществу, и наоборот, что выгодно обществу, не может не быть выгодно и отдельной личности. Подобные взгляды были весьма распространены в русском дореволюционном гражданском праве. К примеру, Г. Ф. Шершенивич, задаваясь вопросом об отличии общественных и личных интересов указывал, что «общественные интересы охраняются настолько, насколько они имеют в виду обеспечить благоденствие частных лиц, и наоборот, что частные интересы охраняются настолько, насколько они согласуются с задачами общества» [12]. Подобного мнения придерживались и другие авторы [13]. Скорее всего, корни подобного современного подхода к пониманию общепользовательных целей следует искать в нашем советском прошлом, в котором как известно из двух цитированных антитез Р. Иеринга всевластно господствовала только одна – «я существую для мира», или иными словами, личные интересы всецело были подчинены интересам общественным. Представляется, что именно поэтому в настоящее время большинству авторов весьма трудно заметить, что четких граней между целями и интересами отдельной личности и всего общества не существует. А потому, количественный критерий для определения общепользовательных целей, согласно которому общепользовательность – это благо многих, но не одного, является в корне неприемлемым.

В литературе предлагалось также рассматривать общепользовательные цели как понятие, тождественное с понятием целей благотворительной деятельности [14], которые исчерпывающим образом перечислены в Федеральном законе «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Несмотря на то, что каждая из целей благотворительной деятельности в законе определяется весьма

емко (к примеру, к названным целям статья 2 Закона относит цели социальной поддержки и защиты граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных, социальную реабилитацию безработных, инвалидов и иных лиц, содействия укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных, религиозных конфликтов и т. п.), однако сам факт того, что данный перечень носит не примерный, а исчерпывающий характер, заставляет не согласиться с указанной точкой зрения, поскольку в принципе невозможно перечислить все те цели, которые потенциально могут быть полезны обществу. Исчерпывающий перечень целей благотворительной деятельности предназначен отнюдь не для того, чтобы с его помощью отграничивать общепользные цели от каких-либо других: с помощью этого перечня государство лишь объявляет, какую деятельность оно считает благотворительной ввиду необходимости создания для нее особого правового режима (начиная от всевозможных налоговых льгот, заканчивая особым порядком регистрации).

В то же время некоторые авторы обращают внимание, что исходя из буквально-го толкования пункта 3 статьи 582 ГК, в силу которого пожертвование может делаться в адрес юридических лиц и без указания на использование по определенному назначению, «вполне допустимо, что благополучатель может использовать дар либо в своих интересах, либо в интересах одного другого лица. В этом смысле общепользная цель толкуется исходя не из количества благополучателей, а из признания совпадения интереса частного лица и общественного интереса» [15]. Отсюда можно прийти к выводу, что потенциально с общественными интересами могут совпадать различные интересы каждой отдельной личности. А раз это так, то перечислить все общепользные цели никто не в состоянии, поскольку потенциально их может быть ровно столько, сколько членов общества мы имеем на сегодняшний день.

Исходя из того, что общепользные цели не могут быть определены с помощью количественного критерия, а также не могут быть в принципе перечислены, нам не остается ничего иного, как попытаться определить общепользные цели с помощью отрицания. Отсюда общепользные цели – это цели, не противоречащие интересам общества.

Казалось бы, такое определение отнюдь не является решением проблемы, но на самом деле оно ставит все на свои места. Во-первых, оно снимает необходимость обсуждения вопроса о том, могут ли общепользные цели доставлять выгоду исключительно одному лицу: поскольку эта выгода не противоречит интересам общества, значит это общепользная цель. Во-вторых, подобное определение снимает проблему хотя бы примерного перечисления общепользных целей. При таком определении любая не противоречащая общественным интересам цель – это общепользная цель. Действия же, совершаемые в целях, противоречащих общественным интересам, определить гораздо легче. Да, собственно говоря, они уже и определены, поскольку действия, противные интересам общества, это не что иное как все виды правонарушений, начиная от гражданских (включая сделки, противоречащие основам правопорядка и нравственности), заканчивая уголовными.

Примечательно в этой связи, что авторы, придерживающиеся количественного критерия в определении общепользных целей, считают, что возложение обязанности содержать принадлежащих завещателю домашних животных, а также осуществлять необходимый надзор и уход за ними, отнесено абзацем второй части 1 статьи 1139 ГК к завещательному возложению лишь как исключение, именно потому, что такое возложение не преследует никаких общепользных целей [16]. Напротив, предлагаемый подход позволяет и эти действия расценивать как совершаемые в обще-

полезных целях: действительно, разве не полезно обществу, разве не соответствует добрым нравам то, что оставшиеся после завещателя его домашние животные будут накормлены и присмотрены? Неужели более соответствует общепольным целям оставление этих животных на улице?

Не усматривается общепольных целей и в распоряжениях завещателя о достойном отношении к его телу после смерти, которые перечислены в Федеральном законе «О погребении и похоронном деле» [17], в частности о согласии или несогласии быть подвергнутым патолого-анатомическому вскрытию; о согласии или несогласии на изъятие органов и (или) тканей из его тела; быть погребенным на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям, рядом с теми или иными ранее умершими; быть подвергнутым кремации; о доверии исполнить свое волеизъявление тому или иному лицу. В этой связи подобные распоряжения, как не отвечающие определению завещательного возложения (в частности критерию общепольности), предлагается рассматривать лишь как пожелания завещателя, которые могут быть исполнены наследниками только добровольно, но никаких юридических обязанностей они не порождают [18].

Количественный критерий при определении общепольных целей остается настолько преобладающим, что авторы, настаивающие на отсутствии общепольных целей в действиях по содержанию домашних животных или достойному отношению к телу умершего, по сути утверждают следующее: «указанные действия направлены исключительно на исполнение последней воли умершего, и следовательно, не имеют к общепольным интересам никакого отношения». Парадоксально, но факт: уже древние народы считали волю умершего священной, а ее исполнение делом не личным, а именно общественным; тем не менее, в начале XXI века действия по исполнению воли умершего объявляются не имеющими ничего общего с общепольными целями. Видимо в обществе произошли какие-то серьезные изменения, однако, если это так, то такое общество достойно лишь сожаления.

В этой связи следует прийти к единственно возможному выводу о том, что не противоречащие закону действия по исполнению последней воли умершего – это действия, совершаемые в общепольных целях. А потому завещательное возложение следует определить, как обязанность совершения каких-либо действий, не противоречащих закону, основам правопорядка и нравственности. В то же время нельзя не отметить, что последняя воля умершего может заключаться в совершении каких-либо неразумных или невозможных действий, которые сами по себе не противоречат ни законодательству, ни основам правопорядка, ни нравственности. Можно ли признать юридическую силу за подобного рода возложением? Представляется, что в данном случае необходимо использовать презумпцию разумности и добросовестности, закрепленную гражданским законодательством (пункт 3 статьи 10 ГК), и считать разумной последнюю волю завещателя до тех пор, пока не доказано обратное. Отсюда, наследник, на которого возложено исполнение обязанности, по его мнению неразумной или невозможной, должен обратиться в суд и потребовать признания завещания в этой части недействительным, либо доказывать это, когда к нему предъявлено требование о совершении подобных действий.

Однако, определив подобным образом общепольные цели мы несколько не продвинулись в отграничении завещательного отказа и завещательного возложения. Если любое действие по исполнению последней воли завещателя – это действие в общепольных целях, то завещательное возложение, предметом которого является действия имущественного характера, направленные к выгоде определенного лица (тот же пример с передачей здания детскому учреждению на время строительства

для него собственного здания) по сути ничем не отличается от завещательного отказа. В этой связи возникает вопрос: зачем потребовалось законодателю для совершенно тождественных отношений вводить два различных института?

Представляется, что большинство проблем, которые испытывает современная юридическая наука при уяснении правовой природы завещательного возложения, обусловлены тем, что в ней (науке) отсутствует развернутое учение о возложении как таковом, известном еще римскому праву под именем *modus*. Так, в римском пандектном праве по указанию Ю. Барона, учение о модусах было вынесено в общую часть обязательственного права [19], и при этом содержанием данного института было возложение обязанности, прибавленное вообще к какому-либо безвозмездному предоставлению выгоды (назначению наследника, отказу, дарению), и которые рассматривались не иначе как один из возможных случаев самоограничения воли. При этом возложение обязанности по безвозмездной сделке не превращало соответствующую сделку в возмездную, поскольку предоставляющее безвозмездную выгоду лицо не имело право требовать исполнения возложения по иску из соответствующего договора. Это, однако, не означало, что наследника, одаряемого или отказополучателя вообще нельзя было принудить к исполнению возложения: в частности, если к наследованию был признан единственный наследник, то для этого принудительные меры могли применить представители власти; если призвано несколько наследников, то каждый из них может принудить другого к исполнению возложения; исполнения возложения отказополучателем мог требовать наследник или, в чрезвычайных случаях, представители власти. Во всех случаях, если модус был выгоден третьему лицу, то оно могло требовать его исполнения.

Интересно отметить, что практически без каких-либо серьезных изменений этот институт пандектного права вошел в Германское гражданское уложение, которое, во-первых, вообще не оговаривает целей ради которых может быть установлено завещательное возложение, а, во-вторых в соответствии с § 2194 которого исполнения возложения могут требовать наследник, сонаследник и то лицо, к непосредственной выгоде которого послужит отпадение первоначального обремененного лица. Если исполнение предоставляет общественный интерес, то его может требовать также компетентное ведомство.

Из этого следует, что суть завещательного возложения сводится к тому, что на лицо, обремененное завещательным возложением, возлагается обязанность, но при этом отсутствуют обязательственные правоотношения, в рамках которых существует эта обязанность, или иными словами, ей не корреспондирует субъективное право какого-либо лица. При этом необходимо прийти к выводу о том, что если наследник обязуется передать имущество определенному лицу, с тем чтобы именно последнее использовало это имущество в определенных целях, то мы имеем дело не завещательным возложением, а с завещательным отказом, в котором к определенному варианту поведения обязывается уже не наследник, а отказополучатель. Так, в уже упоминавшемся примере с обязанием наследника передать помещение детскому учреждению на время строительства, детское учреждение выступает в роли легатария. Однако, отношения по завещательному отказу осложняются в данном случае тем, что легатарий обременяется завещательным возложением, то есть обязуется использовать это имущество в определенных целях, хотя в самом завещательном распоряжении об этом не упоминается, точно также как об этом может не упоминаться в определенных случаях и в договоре пожертвования (пункт 3 статьи 582 ГК). Таким образом, исходя из систематического толкования положений статей 582, 1137–1139 ГК следует прийти к выводу, что обязанность по завещательному возло-

жению может быть возложена не только на наследника или исполнителя завещания, но и на легатария.

Разрешив подобным образом вопрос о сущности завещательного возложения и о его отличиях от завещательного отказа, мы тем не менее, сталкиваемся с еще более серьезной проблемой, связанной с объяснением возможности явления, при котором гражданско-правовая обязанность (а в ее гражданско-правовой природе сомневаться не приходится, поскольку она устанавливается по воле самих субъектов гражданско-правовых отношений) существует вне рамок обязательственных, да и вообще каких-либо гражданско-правовых отношений, а также с объяснением того, почему определенные лица при отсутствии у них субъективного права наделяются возможностью требовать исполнения данной обязанности.

В литературе было предложено считать отношения, в рамках которых исполняется обязанность наследника по исполнению действий, составляющих предмет завещательного возложения, «обязательственными отношениями с неопределенной множественностью лиц на стороне кредитора» [20]. В последнее время действительно все чаще можно обнаружить высказывания о наличии подобных явлений в отечественной правовой системе [21]. Аргументы его сторонников сводятся в основном к тому, что если существуют обязательства, в которых на стороне кредитора имеется множественность лиц, хотя и с определенным субъектным составом, то нет препятствий для предположения о существовании обязательств с неопределенной множественностью лиц. Эти отношения подобны абсолютным правоотношениям с той лишь разницей, что в них неопределенной стороной является не обязанные субъекты, а напротив управомоченные, а конкретно определена только обязанная сторона.

Кроме очевидной некорректности такого умозаключения (раз бывают обязательства с «определенной множественностью» лиц, то должны существовать и обязательства с неопределенной множественностью) с точки зрения формальной логики, ему не достает также уместности проведения аналогии с классическими абсолютными правоотношениями, в которых определенность обязанных субъектов достигается тем, что закон возлагает и именно на всех обязанность воздерживаться от определенного варианта поведения. Представители же теории обязательств с неопределенной множественностью настаивают именно на том, что управомоченный субъект в них совсем не определен.

Помимо этого для нас вообще неприемлемым является подобный метод разрешения юридических проблем, несмотря на то, что он является весьма распространенным в современной юридической науке. Суть его заключается в следующем: раз сходу не удастся объяснить какое-либо юридическое явление с точки зрения существующих форм, то можно смело «изобрести» новую форму. Между тем, в действительности юридический метод со времен римского права заключается совершенно в противоположном: для объяснения какого-либо нового явления должны быть до последнего испробованы все имеющиеся средства, в том числе путем применения старых средств к новым отношениям, не взирая на отличие последних. Именно в этом заключается принцип юридической бережливости, о котором писал Р.Иеринг, доказывая, что главной задачей юридической науки является количественное и качественное упрощение права. Изобретение все новых и новых средств для объяснения каких-либо юридических явлений лишь чрезмерно расширяет действующее право, девальвирует имеющиеся юридические средства, и, тем самым, ведет к неэффективности правового регулирования, и в конечном итоге приводит к

гибели самой юриспруденции под изобретенной же ею массой все новых и новых юридических средств [22].

Какие же имеющиеся юридические средства могут быть использованы для объяснения подобного явления, при котором обязанность наследника существует в отрыве от корреспондирующих прав конкретных выгодоприобретателей?

Прежде всего, следует отметить, что отношения, в которых на какое-либо лицо возлагается обязанность активного поведения в общепользовательных целях очень напоминают публично-правовые отношения (несмотря на то, что как уже было сказано содержанием завещательного возложения является именно гражданско-правовая обязанность), в которых на граждан и организации возлагаются всевозможные обязанности в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3 статьи 55 Конституции). К примеру, когда статья 37 Федерального закона «О пожарной безопасности» возлагает на организации обязанность по разработке и осуществлению мер по обеспечению пожарной безопасности, то эта обязанность возлагается в интересах всех окружающих. Однако, из этого не следует, что любое лицо вправе потребовать от руководителя организации разработать и осуществить меры по обеспечению пожарной безопасности, поскольку подобные полномочия предоставлены только должностным лицам органов пожарного надзора. Иными словами, хотя в публичном праве и существуют отношения между государством и гражданином (или) организацией, в которых государство в лице уполномоченных органов требует определенного поведения от обязанных лиц, эти требования предъявляются, прежде всего, в общественных интересах. Причем, возложение подобных обязанностей в публичном праве является ничем иным, как ограничением конституционных прав граждан, которое допускается не иначе как в целях, предусмотренных частью 3 статьи 55 Конституции. К примеру, рассмотренная обязанность по разработке и осуществлению мер по обеспечению пожарной безопасности является ничем иным как ограничением конституционного права по свободному распоряжению своим имуществом (статья 34 Конституции).

В случае с завещательным возложением на лицо также возлагается обязанность действовать определенным образом в общепользовательных целях. Разница заключается лишь в том, что в первом случае подобная обязанность возлагается без согласия этого лица путем одностороннего решения публичной власти (в этом собственно говоря и заключается проявление суверенной публичной власти), а в случае завещательным возложением наследник добровольно возлагает на себя соответствующую обязанность, принимая наследство и соглашаясь тем самым с условиями завещания. При этом точно так же, как и в публичном праве, рассматриваемая обязанность ограничивает содержание правоспособности наследника. Действительно, с точки зрения гражданского права возможность совершения (или несовершения) любых сделок, как и иных действий, имеющих гражданско-правовое значение, наполняет содержание гражданской правоспособности, и, как следствие, зависит только от усмотрения самого правоспособного лица. В силу завещательного возложения свобода такого усмотрения в определенной степени ограничивается и вместо этого у лица появляется обязанность совершить определенные общепользовательные действия. В этой связи нельзя лишним раз не убедиться в величестве римской юриспруденции, в которой как уже было сказано, модус рассматривался не иначе как один из случаев самоограничения воли, а выражаясь иными словами – самоограничения правоспособности.

То, что завещательное возложение – это самоограничение правоспособности наследника, в свою очередь, заставляет отнести данный вид завещательных распоряжений к числу неимущественных завещательных распоряжений. Данный вывод следует из того, что завещательное возложение в отличие от завещательного отказа никогда не может уменьшить наследственную массу. Разумеется, содержание завещательного возложения может сводиться к действиям имущественного характера (на что прямо указывает пункт 2 статьи 1139 ГК, который, по-видимому, и заставляет многих авторов прийти к выводу, что при завещательном возложении может быть определен конкретный выгодоприобретатель), но эти действия в отличие от завещательного отказа никогда не могут заключаться в отчуждении имущества: они могут сводиться лишь к определенному порядку использования имущества, что не является уменьшением наследственной массы. По выражению Барона, «modus не препятствует приобретению, но затрудняет пользование приобретенным». Весьма наглядно неимущественный характер завещательного возложения доказывается и положениями Федерального закона «Об исполнительном производстве», который признает исполнительные документы, обязывающие должника совершить определенные действия или воздержаться от их совершения (а именно в этом и состоит всегда содержание завещательного возложения, в том числе имущественного характера) исполнительными документами по спорам неимущественного характера, поскольку статья 73, содержащая общие условия исполнения подобных документов помещена в главу об исполнении исполнительных документов по спорам неимущественного характера.

Поскольку завещательное возложение – это ограничение (а точнее, самоограничение) правоспособности, то несмотря на то, что статья 1139 ГК не содержит прямого указания на это, следует прийти к выводу, что определенных случаях право требовать выполнения обязанности, являющейся содержанием завещательного возложения могут иметь публично-правовые образования. Подобное право должно быть признано за ними в тех случаях, когда их цели деятельности, совпадают с целями, ради которых установлено завещательное возложение. Данный вывод, следует из того, что пункт 3 статьи 1139 ГК говорит о том, что правом требовать исполнения завещательного возложения обладают в том числе заинтересованные лица, а в соответствии с пунктом 2 статьи 124 ГК к публично-правовым образованиям (начиная от Российской Федерации, заканчивая муниципальными образования) применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в гражданских правоотношениях. Так, например, если завещатель распорядился воздвигнуть на его захоронении определенный надгробный памятник, то право требовать исполнения данной обязанности могут органы местного самоуправления поселения, поскольку именно в их компетенции находится организация ритуальных услуг и содержание мест захоронения (пункт 22 части 1 статьи 14 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). Право требовать использования наследственного имущества в целях социальной поддержки и социального обслуживания определенных категорий граждан должно принадлежать органам государственной власти субъекта Российской Федерации, поскольку действующее законодательство прямо относит соответствующие полномочия к их компетенции (пункт 24 части 2 статьи 263 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации») и т. д.

В то же время, поскольку завещательное возложение – это не просто ограничение, а именно самоограничение правоспособности, то правом требовать его исполнения помимо публично-правовых образований могут и другие заинтересованные

лица, под которыми следует понимать тех, цели деятельности которых совпадают с тем целями, в которых было установлено завещательное возложение. Исходя из того, что цели деятельности по общему правилу устанавливаются только для некоммерческих организаций – то именно эти организации и следует рассматривать в первую очередь в качестве таких лиц.

Возможность же требовать исполнения завещательного возложения, возлагаемая на сонаследников, объясняется, во-первых, тем, что они как правило наряду с тем, на которого была возложена соответствующая обязанность, были более близки завещателю, а потому исполнение его последней воли более всего отвечает их интересам. Во-вторых, они имеют в этом и собственно имущественный интерес, поскольку если бы обремененный завещательным возложением наследник отказался бы от своей доли наследства, то она бы перешла к другим наследникам. Таким образом, принимая наследство и соглашаясь с условиями завещательного возложения, обремененный им наследник как бы дает обещание другим наследникам его выполнить.

На основании изложенного сделаны следующие выводы:

1. Завещательное возложение – это обременение наследника обязанностью, которая ограничивает его правоспособность в части возможности совершения каких-либо действий, имеющих юридическое значение, по своему собственному усмотрению. Данная сделка полностью укладывается в положения статьи 22 ГК, которая, запрещая по общему правилу сделки, направленные на полный или частичный отказ от правоспособности, предусматривает однако возможность таких сделок в случаях, допускаемых законом. Представляется, что одним из таких случаев и является завещательное возложение.

2. Общепольную цель, ради достижения которой может быть установлено завещательное возложение, следует рассматривать как любую цель, достижение которой не противоречит действующему законодательству, основам правопорядка и нравственности, поскольку выполнение последней воли умершего само по себе является общепольной деятельностью. Исключение составляют неразумные и невозможные цели, но при этом подобные качества этих целей, исходя из презумпции разумности и добросовестности должны быть установлены в судебном порядке.

3. Завещательное возложение необходимо рассматривать как обязанность, которая ограничивает правоспособность наследника, исполнения которой может требовать сонаследники, исполнитель завещания, а также заинтересованные лица, под которыми следует понимать тех, цели деятельности которых совпадают с целями, ради которых было установлено завещательное возложение.

4. Исходя из систематического толкования положений статей 582, 1137–1139 ГК следует прийти к выводу, что обязанность по завещательному возложению может быть возложена не только на наследника или исполнителя завещания, но и на легатария.

Ссылки на источники

1. Шершеневич Г. Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. – Казань, 1898. – С. 714.
2. Гвоздева И. Н. Вопросы наследования // Бюллетень нотариальной практики. – 2004. – № 4. – С. 23.
3. Зайцева Т. И., Крашенинников П. В. Наследственное право. Комментарий законодательства и практика его применения. – М., 2013. – С. 254.
4. Иоффе О. С. Советское гражданское право (курс лекций). Т. III. – Л., 1965. – С. 51.
5. Мелузова О. А. Наследование авторских и смежных прав в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 113.
6. Крысанова-Кирсанова И. Г. Завещание, как основание наследования в современном гражданском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 154.
7. Гришаев С. П. Наследственное право: учебное пособие. – М., 2002. – С. 59.

8. Федина Н. А. Основания прекращения правоотношений из особых завещательных распоряжений // Концепт. – 2014. – № 24. – С. 157. – URL: <http://e-koncept.ru>.
9. Кутузов О. В. Наследование по завещанию: анализ правовой теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 150.
10. Ярмонова Е.Н. Развитие наследственных прав женщин в период с XI по XV века // Научный вестник филиала Кубанского государственного университета. – 2015. – № 4. – С. 5.
11. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / под ред. Н. И. Марышевой, К. Б. Ярошенко. – М., 2014. – С. 234.
12. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. – М., 2013. – С. 271.
13. Маковский А. Л. Дарение // Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. – М., 1996. – С. 316.
14. Кутузов О. В. Указ. соч. – С. 150.
15. Иеринг Р. Цель в праве // Иеринг Р. Избранные труды: в 2 т. Т. I. – СПб., 2006. – С. 150.
16. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Т. I. Часть общая. – СПб., 1911. – С. 46.
17. Солодова А. А. Завещательное возложение в гражданском праве России // Наследственное право. – 2006. – № 1. – С. 27.
18. Богданова А. А. Завещание как сделка в наследственном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 60.
19. Зырянов А. И. Неопределенная множественность лиц в обязательствах (критический взгляд) // Актуальные проблемы современного права и политики: сб. науч. тр. / под ред. К. Я. Ананьевой. – Рязань, 2005. – С. 27.
20. Ершов Ю. Л. О возможности существования обязательств с неопределенной множественностью лиц // Цивилистические записки. Вып. 2. – М., 2002. – С. 353.
21. Иоффе О. С. Советское гражданское право. – М., 1967. – С. 365.
22. Иеринг Р. Юридическая техника // Иеринг Р. Избранные труды. – СПб., 2006. – С. 334.

Natalia Fedina,

PhD, Assistant Professor of legal science, branch of Kuban State University in Armavir, Armavir
fednat79@mail.ru

Non-property specific testamentary disposition in the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to questions of moral testamentary dispositions. The author of a number of conclusions that determine how the laying testamentary heir burdening duty.

Key words: non specific testamentary dispositions, testamentary putting on, legatee, heir to the testator.

Рекомендовано к публикации:

*Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»*

Поступила в редакцию <i>Received</i>	18.08.16	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	20.08.16
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	20.08.16	Опубликована <i>Published</i>	30.08.16

www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2016

© Федина Н. А., 2016